

УДК 821. 112. 2

**ЦЫГАНСКАЯ ТЕМА В НОВЕЛЛЕ АХИМА ФОН АРНИМА
«ИЗАБЕЛЛА ЕГИПЕТСКАЯ»****Т.М. ГОРДЕЁНОК**

Дается анализ цыганских образов в новелле Ахима фон Арнима «Изабелла Египетская». Выбрав главной героиней рассказа цыганку Изабеллу, автор отразил волновавшие его проблемы современности: освобождение Германии от влияния Франции и поиск национальных корней. Соединяя мифологию и реальные исторические факты гонений на цыган, Арним также доказывает существование глубоко устоявшихся предрассудков и старается ликвидировать их. Автор использует цыганскую тему как основу для построения концепции будущего развития Германии, где главной силой немецкой нации становятся ее единство и сохранение самобытности.

Он – «великий писатель и один из самых оригинальных умов романтической школы» [1, с. 165], – так писал Генрих Гейне о гейдельбергском романтике Людвиге Ахиме фон Арниме (1781 – 1831). Его имя связано, прежде всего, со знаменитым сборником народных песен «Волшебный рог мальчика», который он составил вместе с К. Брентано. К сожалению, другие произведения Арнима почти неизвестны широкому кругу читателей, и даже литераторы, замечает Гейне, «никогда не восхваляли его публично по достоинству». Причины этого кроются в преувеличенной фантастичности его манеры изложения, новеллы и романы Арнима полны таинственно завуалированных намёков и символов. Мы ставим задачу исследовать его оригинальные идеи, которые он воплощает, обращаясь к цыганской теме.

«Среди рассказов Арнима самым ценным представляется мне «Изабелла Египетская» [1, с. 171], – пишет Г. Гейне. «Изабелла Египетская» – это грандиозная фантастично-историческая новелла, где перед нами, переплетаясь с реальностью, предстает панорама курьезных образов и сказочных событий, это место, где воедино связаны самые различные мифы и дискурсивные фрагменты. Чтобы понять их назначение, необходимо проделать обстоятельную расшифровку всех смысловых пластов в рассказе.

Произведение было написано в 1812 году. В этот период в истории немецкого народа произошли важные события. В октябре 1806 года прусская армия потерпела в сражениях с французами сокрушительное поражение. В это же время была окончательно ликвидирована «Священная Римская империя немецкой нации». «До сих пор Германию нельзя было представить без оболочки империи. С 1806 года оболочка исчезла, и сейчас, менее чем когда-либо, можно было сказать, что же такое Германия» [2, с. 87]. Эти события привели к обострению национального самосознания. В занятом французами Берлине Фихте произносит «Речи к немецкой нации»: «Немецкий народ ... борется против военного и культурного порабощения Францией за свою свободу и идентичность» [2, с. 89]. Поиски национальных корней, стремление к возрождению, или даже рождению, немецкой нации, характерные для всего творчества гейдельбергских романтиков, Арним отразил в выборе главного персонажа рассказа – Изабеллы, дочери цыганского герцога и беглой графини. Ведь, как известно, вся история цыганского народа – это борьба за выживание и сохранение самобытности, борьба против дискриминации и насильственной ассимиляции. В новелле рассказывается о любви Изабеллы и эрцгерцога Карла, будущего императора Карла V. Изабелла, как утверждает сам автор, «невинно вымышленное» [3, с. 627] лицо. В свою очередь, Карл V – это реальная историческая личность. Как известно из истории, Карл V подчинил всю свою политику реализации реакционной программы создания «всемирной христианской монархии», поэтому описываемые в новелле события могут интерпретироваться как аллегория на захватнический характер политики Наполеона начала XIX века.

Цыганская жизнь всегда волновала воображение писателей и поэтов. Тем не менее в большинстве произведений находил отражение лишь цыганский миф. Не стал исключением и Арним. Уже само название рассказа – это сжатая легенда об «исторической родине» цыган, Египте. Надо отметить, что предание о том, что цыгане – потомки египетских фараонов, закрепилось и в цыганском фольклоре. В нем говорится, «что когда Моисей выводил свой народ из Египта, вслед за ним мчались слуги фараона. И когда волны Красного моря сомкнулись над головами преследователей, то они превратились в сирен, мифических чудовищ, полурыб, полулюдей. С той поры цыгане – потомки слуг фараона, проклятые богом, – вынуждены скитаться по миру» [4, с. 14]. Данная легенда является одной из многих версий, она говорит о происхождении цыган и оправдывает их многовековое кочевье. Арним включает в «Изабеллу Египетскую» другой, видоизменённый вариант: «Они (цыгане) внутренне чувствовали наказание, ведь они отвергли святую богородицу с младенцем Христом и старым Иосифом, когда те бежали к ним в Египет. Ибо они видели не глаза господина, а с жестоким равнодушием приняли святых за евреев, которые на веки веков не получают приют в Египте, потому что забрали с собой во время переселения в обетованную зем-

лю взятые взаймы золотые и серебряные сосуды» [3, с. 624]. Итак, цыгане, как пишет Арним, «не узнали спасителя», и тогда они начали паломничать, чтобы «покаяться в жестокосердии» [3, с. 624].

Эту легенду Арним, должно быть, если не полностью, то частично почерпнул у Генриха Моритца Грельмана, профессора университета Геттинген, который «в 1783 году опубликовал пухлый том о цыганах» [5, с. 4]. Это предположение имеет основание ещё и потому, что Арним сам некоторое время учился в Геттингене. Хотя Грельман в своем труде категорически отрицал идею о египетском происхождении цыган, но тем не менее подробно обсуждал утверждение, восходящее к хроникам эпохи Ренессанса, что цыгане – это «помесь египтян, эфиопов и троглодитов» [8, с. 274]. Мнение о том, что цыгане будто бы являются кающимися паломниками, Грельман рассматривал как легенду, которая не имеет под собой никаких фактических оснований. Таким образом, Арним включает в рассказ заведомо нереальные, наиболее оспариваемые идеи. Как замечает А.А. Гугнин, говоря о мифологии и мифотворчестве, «романтическая интерпретация мифов является крайне вольной, нетрадиционной, творческой, становится инструментом самостоятельного мифологизирования». [7, с. 188]. С этим нельзя не согласиться, так как процитированные выше отрывки из новеллы являются ни чем иным как переработанным и дополненным фантазией Арнима художественным вариантом мифа об истории цыган.

То, что Арним называет Египет, центр древней высокоразвитой цивилизации, родиной цыган, можно рассматривать как большой комплимент и знак особой симпатии. Автор сочувствует цыганам, которых в то время преследовали. Надо отметить, что цыгане, появившись в Европе, поначалу были приняты довольно любезно. Углубляясь в текст, мы видим, что Арним снова соединяет реальные факты и фантазию и пишет: «Взяв с собой свои сокровища, они (цыгане) двинулись через Малую Азию в Европу, и, пока эти сокровища не иссякли, им были повсюду рады» [3, с. 624]. Возвращаясь к перипетиям цыганской истории, заметим, что период гармоничного сосуществования цыган с европейцами продлился недолго. Их стали вдруг обвинять в том, что они являются шпионами Турции, могущество которой в то время вызывало всеобщий страх, так как Турция угрожала всей Центральной Европе. Арним, как видно из рассказа, не разделял мнения о тайном «сотрудничестве» цыган с турками: «При возрастающей власти турок, повсеместном преследовании ... возвращение в Египет было крайне затруднено» [3, с. 624]. Действительно, упрек в том, что цыгане собирают для Турции информацию, можно расценивать как абсурдный, потому что в своё время они бежали в Европу именно от турок. Тем не менее цыгане были объявлены вне закона. У Е. Друца и А. Гесслера мы читаем: «В 1500 году Рейхстаг Аугсбурга при императоре Максимилиане I законодательно распространил репрессии по отношению к цыганам на всю империю» [4, с. 12]. Арним восклицает: «Горе всем бедным на чужбине» [3, с. 624]. Так как основные события в рассказе разыгрываются в начале XVI века, когда в отношении цыган царили поистине драконовские законы и указы о гонениях находились в полной силе, то можно сказать, что автор реалистично и предметно характеризует атмосферу, царившую в то время в Европе.

Несчастья цыган вполне сопоставимы с судьбой евреев, так как ксенофобия, боязнь и полное предрассудков отношение к чужакам, коснулись и тех, и других. Оба этих меньшинства попадают в «Изабелле Египетской» в поле напряженного внимания Арнима. Судьба изгоев со всеми вытекающими отсюда последствиями – очень важное сходство между цыганами и евреями, что, собственно, позволяет сделать их «звеньями одной цепи». Несмотря на это автор, противопоставляя меньшинства друг другу, поляризует их. Как мы помним, цыгане отказали святому семейству в приюте, потому что приняли их за евреев. Здесь налицо явное враждебное отношение одного меньшинства к другому, которое основывается на том, что евреи якобы совершили кражу ценной утвари. Но вспомнив, что цыгане сами не гнушались воровства, эта враждебность кажется, по меньшей мере, парадоксальной. С нашей точки зрения, антипатия цыган к евреям является выдумкой Арнима, так как документальные свидетельства по этому поводу отсутствуют. Автор делает евреев в этой истории козлами отпущения и через цыган выражает свою личную неприязнь.

Далее Арним вновь переплетает и одновременно противопоставляет цыган и евреев на основе некоторого внешнего сходства: «Цыгане в то время преследовались, это преследование навлекли на них евреи, которые выдавали себя за цыган» [3, с. 624]. Вопрос, который мы себе задаём, состоит в том, зачем понадобилось Арниму надевать на евреев «маску» цыган, ведь положение цыганского народа было, по меньшей мере, незавидным. Автор сам подсказывает нам ключ к разгадке, упоминая несколько раз в рассказе время чумы. Известно, что в середине XIV века жители Европы «пережили страшный период, когда люди как мухи умирали от чумы. Так как евреи лучше чем другие соблюдали правила личной гигиены, то и смертность среди них была меньше. Именно этот факт стал основой мгновенно распространившегося слуха о том, что евреи, отравив колодцы, вызвали эпидемию «чёрной смерти». «По всей Европе, в том числе и в Германии, прокатилась не только эпидемия чумы, но и психическая эпидемия юдофобии» [8, с. 152]. Евреев убивали целыми семьями, сжигали их дома и всячески старались уничтожить «корни Иуды». Память о тех ужасающих событиях жила у евреев ещё столетиями. Поэтому у Арнима они выдают себя за цыган, выбирая из двух зол меньшее. По отношению к евреям у него и далее звучат

явные антисемитские ноты. Автор придерживается мнения, что у еврея в голове три основные мысли, «а именно высокомерие, наслаждение и жадность» [3, с. 689]. Антисемитизм Арнима имеет, с нашей точки зрения, две основные причины. Главная причина его враждебного отношения к евреям заключалась в финансовой зависимости от них, так как Арним был владельцем сдаваемых из-за долгов в аренду имений. С другой стороны, антисемитские настроения Арнима основываются на предрассудках, которые можно по праву сравнить с болезнью: болезнь эта фактически неизлечима, потому что неизвестно, когда и как она возникла. Справедливости ради нужно сказать, что аналогичные «симптомы» наблюдались не только у Арнима, но и у многих великих людей, например, у Лютера, Фихте, Вольтера. Так Фихте утверждал: «Для защиты нас от них (евреев) я вижу лишь одно средство: завоевать для них обетованную землю и всех их послать туда» [9, с. 327].

Если даже люди, которые в разное время внесли большой вклад в духовное развитие человечества, были подвержены предрассудкам, то не удивительно, что простые люди не любили ни цыган, ни евреев. Обыватели защищали свой мир и с лёгкой руки правителей вершили судьбы чужаков, вешая, убивая и уничтожая их. Так любой человек мог избить или даже убить цыгана и при этом не привлекался к судебной ответственности. А если случалось уличить цыгана в воровстве, то он без суда и следствия отправлялся на виселицу. Такая судьба постигла и отца Беллы. В трактире, где Михаэль демонстрировал свое искусство силача, поймали цыгана, который украл двух петухов. «Жители Гента из-за своего богатства никому не прощали воровства» [3, с. 625], поэтому схватили всех и приговорили к повешению. Поистине на цыганах лежало проклятие, и они были отмечены каиновой печатью. Напрасно пытался Михаэль доказать перед судом свою невиновность: «У нас как у мышей: погрызла одна мышь сыр, говорят, что здесь были мыши, и тогда травят и ловят всех, поэтому мы, цыгане, сейчас нигде не чувствуем себя в большей уверенности, чем на виселице» [3, с. 625]. «Последний наследник-мужчина знатного рода» [3, с. 625] был без всякой вины убит, поэтому далее Арним выступает в роли мирового судьи. Он обвиняет богатых жителей Гента в том, что они, считая «человеческую жизнь в сравнении с охраной своих мёртвых сокровищ ничтожной» [3, с. 625], нарушают божественные заповеди, поэтому надежда попасть в рай для них так же мала, как и надежда «просунуть верёвку через игольное ушко» [3, с. 625]. Как известно, во все переломные эпохи система общепринятых ценностей и идеалов расшатывалась, а зачастую и рушилась. Поэтому, обвиняя людей в жестокости, Арним призывает не только к толерантности, он говорит также своим современникам, что человек, стремясь к богатству и наживе, теряет порой главное – свой внутренний «стержень».

Старая цыганка Брака сообщает ничего не подозревающей Белле о смерти отца. Девушка трогательна и безутешна в своей печали, она потеряла самое дорогое, ведь она жила с отцом в уединённом доме обособленно от своего «сурового народа» [3, с. 624]. Арним сочувствует сироте и искренне переживает с ней смерть самого близкого человека: «Эти слезы были так печальны и так преданны, что, будь я перелетной птицей, я бы спустился, обмакнул клюв и понёс бы её к небу» [3, с. 623]. Белла хочет отдать погибшему отцу последнюю дань памяти и, так как днем ей нельзя было показываться на улице, отправляется к ручью ночью. Арним романтично описывает обряд поминок, который происходит в полном одиночестве под покровом темноты: «Она разостлала на булыжнике покрывало, поставила на него два бокала и две тарелки, разломила хлеб на двоих, в оба бокала налила вина, чокнулась бокалами, осушила свой, а бокал покойника вылила в протекающий рядом ручей» [3, с. 626]. Подробно описывая этот ритуал, Арним обращается к народным истокам, именно здесь он ищет свой идеал и находит первозданную гармонию, где человек, природа и Бог сливаются воедино. Вдруг из воды показывается «бледное лицо ее отца» [3, с. 627]. Это цыгане сняли его тело с виселицы, надели на голову корону и бросили реку. Воды Шельды должны были отнести тело отца в Египет, «так как он умер во время святого паломничества» [3, с. 623]. Арним канонизирует образ герцога Михаэля, он, «вознесенный на виселице к небу, отчетливо предстает как фигура Иисуса» [6, с. 269].

Белла, единственный ребёнок своего знатного отца, становится его наследницей и главой цыган. Пес Симсон, который раньше подчинялся только Михаэлю, «знает, что он должен слушаться» [3, с. 623] Беллу. Постоянно думая о своей утрате, она решает пересмотреть вещи отца. В потайной комнате девушка находит старые книги, которые увлекают ее так, что она «захотела стать привидением» [3, с. 629]. Этими мыслями она поделилась со старухой Бракой, когда та навестила её вечером и сообщила одну новость. Здесь начинается динамично развиваться интрига, которая придаёт повествованию стремительность и остроту. Принцу Карлу, который накануне проезжал мимо, бросилась в глаза запущенность дома, в котором жила Белла. Ему объяснили, что дом заброшен, «всех покупателей и арендаторов отпугнули привидения» [3, с. 629]. Тогда Карл «покаялся, что в полном одиночестве проведёт в этом доме ночь и изгонит призраков» [3, с. 629]. В то время как Брака озабочена, Белла, увлечённая чтением отцовских книг, не понимает угрожающей ей опасности. Она знает лишь, что принц красив и благороден. Желание Беллы превратиться в привидение подсказывает много повидавшей в жизни Браке выход из создавшегося положения. Она предлагает: «Ляг к нему в постель, и я клянусь тебе, что от страха он убежит прочь и нико-

гда не вернётся. А если мужество не покинет его и он схватит тебя, то тебе нужно только соврать, что ты проникла к нему из любви, и тогда, может быть, ты найдёшь свое счастье» [3, с. 630]. Последняя фраза звучит несколько странно из уст женщины, которая опасается за свою юную госпожу. Как мы видим далее, Бракой руководила старая привычка, потому что «сватовство давно стало ее главным занятием [3, с. 632]. Белла вяло и безучастно соглашается с предложением Браки, что, в общем, с одной стороны, является вполне логичным, потому что девушка еще не привыкла принимать самостоятельные решения. С другой стороны, пассивное поведение Беллы вызывает амбивалентные чувства: её чистота сливается с аморальностью, непорочность граничит с возможным грехопадением. Когда Карл со своей свитой неожиданно подъезжает к дому, обе поспешно прячутся в потайной комнате, и Белла через глазок в двери наблюдает за «будущим властелином мира» [3, с. 630]. Ее, до сих пор «видевшую лишь коричневых цыган, веселых и сильных» [3, с. 631], покоряют стать и уверенность Карла. Он отсылает из покоев слуг с уверением, что «бабкины сказки о духах его не пугают» [3, с. 631]. Тем не менее на Карле кольчуга, он вооружен мечом и пистолетом. Бормоча песню, он через некоторое время засыпает, а Белла покидает свое тайное убежище. Она приблизилась к принцу и, не в силах противостоять соблазну, поцеловала его. Разбуженный этим поцелуем Карл «стремительно вскочил и с криками бросился стремглав в соседнюю комнату» [3, с. 633]. Беллу оглушила и парализовала мысль, что она вызвала такое отвращение у принца. А тот между тем громко рассказывал своему окружению: «Как ни ужасны были черные змеи на голове, я никогда не видел более красивого лица» [3, с. 633]. Несмотря на пережитый страх, загадочное видение побудило Карла вернуться и осмотреть комнату. Не обнаружив никого (ведь Белла и Брака вновь скрылись за потайной дверью), принц к явному облегчению своих слуг согласился покинуть таинственный дом. Когда всадники уже готовы были двинуться в путь, Брака начала «с силой хлопать всеми дверями и опрокидывать столы» [3, с. 634], что вызвало новый приступ ужаса и побудило всю компанию, «не оглядываясь, скакать в город» [3, с. 634]. Ночное приключение Карла породило новую волну слухов о призраках в уединенном летнем доме, а принц «на следующее утро в великом огорчении исповедался Адриану, как он влюбился в привидение» [3, с. 634].

Этот эпизод является очень важным компонентом произведения. С композиционной точки зрения – это завязка рассказа, подготовленная экспозицией – мифом о родине и грехопадении цыган, а также повествованием об их гонениях. Надо отметить, что этот эпизод, прокладывая дорогу дальнейшим событиям, возвращает нас некоторым образом к экспозиции и имеет одновременно важное смысловое значение для понимания проблемы, суть которой можно сформулировать одним словом – антицыганизм. Арним наглядно изображает, как возникают слухи, которые, развиваясь «в благоприятной среде», превращаются в предрассудки. Этим ярким единичным примером автор доказывает, что мифы о цыганах, где они предстают как привидения, черти, воры, сброд, каннибалы и прочие, культивируют так называемые «нецыгане». Мы видим, как люди, будучи полностью уверены в ясности ситуации, попадают в плен ложных представлений. Эту тонкую невидимую паутину искусно плетут цыгане, которыми руководит инстинкт самосохранения. К подобным действиям их принуждает большинство. Таким образом, вырастает ещё одна стена между цыганами и нецыганами, образуется замкнутый круг, выйти за рамки которого человечество не может до нынешних пор.

Дальнейшее повествование Арним продолжает в другом ключе. В действие, до сих пор описываемое точно и предметно, вторгается фантастика. Здесь нужно снова вернуться к старым книгам герцога Михаэля и их магическому влиянию. Помимо таинственных рисунков, средств «найти философский камень, вызывать духов, заговаривать болезни» [3, с. 635] Белла нашла подробное описание того, как сделать альрауна, существо, способное отыскивать клады. Нет, мы не можем упрекнуть девушку в меркантильности, просто она, по сути, восприимчивый ребенок, неспособный отличить зерна от плевел, находится под влиянием Браки, которая вольно или невольно руководит ее поступками. Идея обратиться к книгам отца пришла Белле в голову после разговора со старой цыганкой. Девушка, лишившаяся сна из-за Карла, спросила Браку, есть ли какой-нибудь способ стать невидимкой, чтобы свободно гулять по городу и, мы продолжим мысль, увидеть принца. Та ответила ей иронично, что «не знает никакого другого средства, как иметь много денег» [3, с. 635]. Отметим, что, как и в случае с евреями, Арним придерживается принципа поляризации персонажей, но уже в кругу самих цыган. Противопоставление Беллы и Браки базируется сначала на чисто внешних атрибутах: молодая – старая, привлекательная – отталкивающая. Далее автор создает контраст на основе более глубоких характеристик: наивная – опытная, мечтательная – практичная, бесхитростная – коварная. Тем самым Арним противопоставляет своему идеальному романтическому герою жадного, большого от пороков человека своей эпохи и показывает, как велика пропасть между идеальным и реальным миром.

Ночью Белла, точно следуя предписаниям, почерпнутым из отцовских книг, отправляется с Симсоном на гору, чтобы достать корень альрауна. Когда они идут по пустынной улице, на них из-за калиток злобно скалятся собаки. Примечательно, что Арним называет этих псов филистерами и переносит тем самым на них качества хозяев. Бесстрашному Симсону нужно только оскалить зубы, тогда «и самые

большие, и самые маленькие собаки, поджав от страха хвост, убегают обратно в сад» [3, с. 639]. Мы понимаем, что отвагой и мужеством Арним наделяет не только Симсона, но и его хозяйку. Таким образом, автор в символической форме создает очередной контраст. Это контраст между цыганами и жителями Гента. Первые предстают здесь как бесстрашные люди, готовые дать отпор несправедливым нападкам, а вторые – как ограниченные обыватели и ханжи.

Белла достает корень альрауна, но для этого она жертвует жизнью верного Симсона, который задохнулся от верёвки, вытягивая глубоко сидевший в земле корень. Смерть пса становится первой ступенью «на шаткой лестнице», которая неумолимо спускает Беллу с высоты её чистоты и непорочности. Белла выдумала удивительную историю о гибели Симсона. Это была «её первая ложь» [3, с. 643], но такая натуральная и правдоподобная, что хитрая цыганка, хотя и удивляясь, приняла всё за чистую монету. Как мы потом увидим, эта ложь не станет последней, Белла будет культивировать свой так неожиданно проявившийся «талант» и далее.

Заботы о корне альрауна, в которого нужно еще вдохнуть жизнь, как по волшебству вычеркивают из сознания Беллы мысли о принце. Она занимается получеловеческим существом поистине с материнской любовью. Она подкладывает чудо-корень кошке, которая кормит своих только что появившихся на свет котят. Заметив, что альрауну не хватает молока, девушка после длительной внутренней борьбы тайком забрала одного котенка и положила его в траву у ручья. «Но, сделав несколько шагов, она услышала, как что-то плюхнулось в воду, она обернулась и увидела, что поток уносит маленького слепого котёнка» [3, с. 645]. Белла совершила еще один грех, ведь она принесла в жертву неповинную жизнь. По сути она совершила такое же преступление, как и жители Гента, когда они без вины повесили герцога Михаэля. На этом примере Арним хочет показать, насколько слаб человек, как он незаметно для себя переступает условную грань, за которой сложно отличить зло от добра. С нашей точки зрения, грехопадение Беллы имеет важное смысловое значение для дальнейшего развития сюжета. Спуская цыганку с пьедестала святости, Арним уравнивает ее с жителями Гента в греховности, делает их в некоторой степени однородными элементами, что позволяет автору вывести девушку из «ночного нелегального» положения одинокой отверженной и интегрировать ее в «дневную» городскую жизнь.

Но интеграцию Арним проводит только после того, как создает вокруг Беллы галерею гротескных фантастических образов. Вслед за альрауном, крикливым, несуразным существом, в рассказе появляется неприкаянный полусгнивший покойник по имени Медвежья шкура, который в наказание за жадность вынужден и на том свете охранять свои сокровища. Колоритный образ Браки завершает фантастическую картину, где автор пытается создать монолог реальных и сказочных персонажей, действительных и вымышленных событий. Такое переплетение подлинно-исторического с фиктивным подтверждает «реализм» сюжета.

Альраун как по волшебству находит спрятанный в доме клад, и Белла в одно мгновение становится богатой. Если мы вспомним шутовское замечание Браки, то именно деньги могут помочь открыть ворота Гента перед цыганкой Изабеллой. С другой стороны, столь неожиданное обогащение таит в себе опасности, о чём предупреждает Брака: «Вы оба еще не умеете обращаться с деньгами. Если бы я не помогла вам советом, вы бы пропали, сразу навлекли на себя подозрение и попали под суд. Поэтому послушайте мое мнение о том, что вы должны сделать, чтобы мы в полной безопасности радовались богатству» [3, с. 537]. Для раскрытия новой проблемы Арним выбирает примечательную форму: **вы бы пропали, вы должны сделать – мы радовались**. Брака обращается к Белле и альрауну, но, говоря о непрактичности, неумении взять инициативу в свои руки, Арним подразумевает, прежде всего, девушку. Незнатная Брака руководит цыганкой благородного происхождения. Таким образом автор намекает на события Великой французской революции, когда «верхи» беспомощны, а «низы» подбираются к власти и «снимают сливки со сметаны». Брака как урождённая госпожа раздает указания: «Белла, ты часто называла меня матерью, так и представимся в свете, куда я тебя введу. Ты же, Корнелиус, должен держаться как мой племянник, кузен моей дорогой Беллы» [3, с. 537]. Мы видим, как ловко Брака «подминает под себя» девушку и принимает решение заявить о себе в светских домах Гента. Но столь смелый въезд в город требует тщательной подготовки, поэтому Брака предлагает отправиться к своей старинной знакомой – старьевщице Ниткен. Белла полна дурных предчувствий, тем более что Медвежья шкура сжигает древние рукописи отца, последнюю нить, связывавшую девушку с прошлым миром.

Водоворот новых стремительных событий поглощает Беллу. У госпожи Ниткен вся честная компания облачается в новые одежды, и тем самым Арним вновь недвусмысленно указывает на революционное положение во Франции, где, как и в рассказе, творится «бал-маскарад». Несмотря на новую экипировку, которая должна каждого облагородить, Арним все же не стирает сословные различия окончательно. В Белле, выглядевшей хоть и небезупречно, проглядывало царственное достоинство, Брака походила в лучшем случае «на пожилую гувернантку» [3, с. 551]. Наименьших успехов госпожа Ниткен достигла в преображении альрауна, «он был и остался карликом со сморщенным лицом, приподнятыми плечами и

неразвитой речью» [3, с. 551]. После прибытия в Гент альраун, мечтающий о звании фельдмаршала, делает невероятные успехи в риторике и странным образом становится вхож к эрцгерцогу Карлу.

Действие достигает невероятного накала, когда альрауну приходит в голову идея жениться на Белле. Устраняя последнее различие между знатной особой и получеловеком, Арним создаёт структурированный хаос. В этом хаосе разрушается привычная иерархия, но создаётся новая система. Как замечает Н. Берковский, «разность все-таки остается: «внизу» – ординарные вещи и отношения, «вверху» – вещи внебытовые, ирреальные, хотя и участвующие в этом мире» [10, с. 445].

Притязания альрауна на Беллу представляются абсурдными не только нам, но и самой девушке. Если мы вспомним предыдущие события, то именно заботы о корнечеловеке перемещают мысли Беллы о принце на периферию ее сознания. Но юная цыганка отдавалась этой добровольной опеке с материнской платонической любовью, но отнюдь не с телесной, физической. Страстное влечение Беллы к эрцгерцогу возвращается так же внезапно, как когда-то померкло, одновременно меняется и ее отношение к альрауну: «До сих пор он был мне дорог, теперь же он кажется мне бесчеловечным» [3, с. 557]. Такая перемена вполне устраивает Браку, которой, наконец, выпадает возможность направить мысли и поступки Беллы в другое русло: «У меня давно уже есть в отношении тебя тайный план. От принца, который в будущем унаследует полмира, ты должна родить ребёнка, а он благодаря любви своего могущественного отца соберет рассеянные по Европе остатки твоего народа и отведет их в святые места египетской страны» [3, с. 557]. История цыганского народа полна многочисленных миграций, в данном случае Арним выступает как вдохновитель идеи очередного переселения цыган. Но почему? Здесь следует упомянуть имя прусского государственного деятеля Х.В. Дома, который в 1781 году опубликовал книгу «О гражданской реформе евреев». Дом выступал за отмену дискриминирующих законов, предлагал уравнивать евреев в правах с другими жителями, но при условии, что правительство будет наблюдать за их поведением» [9, с. 327]. В заглавии книги автор упоминает только евреев, видимо, поэтому исследователи зачастую упускают из вида, что подобные суждения Дом попутно распространял и на цыган, которые для подавляющего большинства были как бельмо на глазу [5, с. 3]. Ранее упоминавшийся Грельман также был сторонником реформ «по перевоспитанию цыган». Он выступал за их насильственную ассимиляцию, так как считал цыган грубыми, необразованными, злыми от природы людьми [5, с. 2]. Цыганская реформа Дома потерпела крах, так как общество изначально считало цыган неисправимыми. Подобные представления были сформированы, по сути дела, самой эпохой. На этом фоне позицию Арнима в отношении цыган можно считать поистине прогрессивной для того времени. Свое доброжелательное отношение к цыганскому народу он публично выражает в послесловии к «Волшебному рогу мальчика: «Мы обязаны цыганам многим хорошим. Мы же неблагоприятно их отвергали и преследовали. При всей своей любви они не смогли обрести у нас родину» [1, с. 173]. Тем самым Арним, выражая идею о возвращении цыган в Египет, признаёт их культурную и этническую самобытность, не лишает права на дальнейшее развитие и указывает место, где этот процесс может происходить наиболее успешно.

Нам становится понятной миссия Изабеллы: она должна родить ребенка от Карла, воссоединить разрозненный цыганский народ и, сняв с него многовековое проклятие, вернуть на «историческую» родину. Но в любовных отношениях Белла остается наивным младенцем, она не имеет ни малейшего понятия о телесной любви между мужчиной и женщиной. Арним освобождает Беллу от эроса и, следуя этому принципу и далее, сводит до минимума любовные свидания юной цыганки и принца. Их основные встречи проходят либо в разговорах, либо они вообще расстраиваются. В новелле Арним проводит параллель между любовью духовной и физической. Эмоциональной любви девушки, уходящей в сферу чисто духовного поклонения, автор противопоставляет рациональные чувства ее соперницы, голема, существа из глины, как две капли воды походящего на Беллу. Для создания образа голема Арним вновь обращается к мифологии. В данном случае он использует раввинскую легенду, которую 23 апреля 1808 года Я. Гримм опубликовал в «Газете для отшельников». Согласно мифу, «чтобы создать голема, надо вылепить из красной глины человеческую фигуру, имитируя, таким образом, действия бога. Оживляется она именем бога, либо словом «жизнь», написанным на ее лбу. Голем необычайно быстро растет и скоро достигает нечеловеческой мощи, а, вырываясь из-под контроля человека, может растоптать своего создателя» [11, с. 308 – 309]. Арним лишь незначительно изменяет данную легенду. В рассказе голем создается при помощи волшебного зеркала, «по образу и подобию какого-нибудь определённого человека» [3, с. 573], а на лбу пишется слово «истина». Идея заказать у одного польского еврея копию Беллы пришла в голову Ценрию, другу Карла, чтобы ввести в заблуждение альрауна, претендующего на роль жениха, и таким образом отделаться от него. Когда старый еврей завершил работу над големом, «перед ними (Карлом и Ценрием) предстала вторая Белла, которая благодаря волшебному зеркалу знала лишь то, что до той минуты было известно Белле» [3, с. 575]. Как мы видим, Арним вновь сопоставляет цыган и евреев на основе внешнего сходства, но одновременно с этим создает яркий контраст между ними. Причины этого заключаются, с нашей точки зрения, в том, что автор в свойственной ему символической манере вступает в полемику с исследователями тех времен, которые были склонны рассматривать оба этих меньшинства не

как отдельно взятые народы, а как родственные группы, имеющие помимо внешнего сходства много других общих свойств. Такого мнения придерживались, например, Я. Томазиус, Х.В. Дом, а уже позднее Г. Гундт-Радовски и Т. Тетцнер [5, с. 3]. Так, Тетцнер, который в своей работе постоянно ссылается на мнение Грельмана и во многом повторяет его, пишет: «Поразительная гармония между обоими народами обнаруживается наиболее ярко в духовном отношении. И у тех, и у других имеются задатки изощрённо хитрить и строить козни» [6, с. 273]. Несмотря на наличие столь важных «сходств», которые Тетцнер приписывает цыганам и евреям, он все же не решается ввести понятие «идентичность», а говорит о «подобии» двух меньшинств. Как ни велики сходства (между евреями и цыганами), существует и множество различий. «Лицо еврея можно обнаружить под любой маской» [6, с. 289]. Таким образом, историю противоборства Беллы и голема можно рассматривать как антитезис бытующим в то время суждениям по отношению к цыганам и евреям. Арним идет от обратного: он отвергает возможность существования духовного сходства, но признаёт, порой даже утрируя, внешнее подобие. Голем так похож на свой прототип, что даже Карл, который знает о существовании двойника, порой не может отличить «копию» от «оригинала». Глиняное существо вводит в заблуждение не только принца, но и все окружение девушки. Голем «сохранил в своем теле настоящее еврейское сердце» [3, с. 588], «обладал низменной еврейской душой» [3, с. 591] и навлек на Беллу всевозможные несчастья. Благодаря невероятному сходству, неслышанной самоуверенности и удивительному стечению обстоятельств глиняное существо медленно, но верно вытесняет Беллу из ее же окружения и вынуждает перейти на полуправильное положение, а само становится хозяйкой дома в Генте, невестой альрауна и возлюбленной принца. Карл чувствует, что в «Белле» произошли очевидные перемены: «Вместо божественного образа я обнимал земное создание, которое возбуждает во мне низменную страсть, но отвращает мое сердце» [3, с. 595]. На основе этого противопоставления Арним создает схематическую модель мира в своем понимании. Карл, представитель немецкой нации, тесно связан с двумя чуждыми ему в этническом отношении женщинами и является центром этой модели. Голем обладает чувственностью, характеризует собой земные мелкие страсти: стремление к наживе, способность обмануть ради собственной выгоды. Высокая простота, скромность и благородство Беллы выходят на первый план и относят её в более высокие сферы. Тем самым Арним вновь возвышает цыганку, а мотив грехопадения развивается вокруг образа Карла V.

Белла и эрцгерцог являются чуждыми друг другу людьми не только с этнической точки зрения, но и духовной. Каждый стремится к своей цели, но цели эти полярны. Именно поэтому их отношения, вначале столь лиричные и полные гармонии, расстраиваются, и даже исчезновение соперницы (голем снова превращается в кусок глины) не позволяет восстановить былую душевность. Белла понимает, что политическая власть, борьба за влияние, а вместе с ними и меркантильные интересы полностью завладевают принцем, отодвигая их любовь на задний план. Карла, готового после смерти деда взойти на престол, гложут сомнения: «Может ли он жениться на герцогине Египетской, не поколеблет ли это его престол?» [3, с. 607]. Автор, который с недоверием относился к бурному развитию товарно-денежных отношений, критикует Карла за прагматичность. Как замечает Н. Берковский, «для Арнима Карл, поставленный на престол германской империи коммерческим домом Фуггеров, был монархом чересчур модернизированным» [10, с. 444]. В подчеркнуто вульгарном стиле автор разрабатывает эпизод назначения альрауна, от которого зависят денежные поступления в имперскую казну, на должность министра финансов. Ситуация достигает полного абсурда, когда Карл предлагает корнечеловеку «обручиться с Беллой морганатическим браком» [3, с. 615]. При этом Карл ясно формулирует свои политические планы: Изабелла должна остаться при нем в качестве любовницы, а цыганский народ исчезнуть из Европы.

Обиженная таким отношением к себе, Белла решает покинуть Карла и вместе со своим народом отправиться в Египет, ведь она «тоже принадлежала к породе перелётных птиц» [3, с. 618]. Примечательно сравнение, к которому прибегнул Арним, чтобы объяснить ее томление и тоску по родине. Он сравнивает Беллу с чужеземным цветком, «который раскрывается лишь по ночам, ибо на его родине в эти часы наступает утро» [3, с. 618]. В этом пассаже Арним недвусмысленно указывает на ночное время – время, когда цыгане могли спокойно показываться на улице, не нарушая размерности жизни «нецыган». С другой стороны, он сознательно идет на логическое нарушение, так как утро в Египте не начинается тогда, когда на Европу опускается ночь. С нашей точки зрения, Арним в данной формулировке в завуалированной форме указывает на Восток в целом, либо на Индию и тем самым соглашается с мнением Грельмана, что действительной исторической родиной цыганского народа является Индия. Мы полагаем также, что Восток привлекает его внимание как цивилизация, пережившая бурный расцвет, упадок, а затем новый подъем, который стал возможен благодаря сохранению традиций и культурной самобытности.

Отношения между Изабеллой и племенем отличаются простотой и патриархальностью. В представлении Арнима тесная связь «верхов» и «низов» является неотъемлемым компонентом совершенного общественного строя. Автор выступает защитником «старого порядка» и исключает из этого процесса просветительство. Непоследовательным представляется лишь то, что у Арнима именно Белла, женщина, а не ее сын Лрак становится главой цыган. Рождение ребёнка является тем самым ненужным, отягощающим по-

вестование атрибутом. Но эта нелогичность кажущаяся. Именно зачатие и рождение сына стало тем семенем, благодаря которому происходит развитие и становление Беллы как личности, благодаря которому возникает новая, «святая Изабелла» [3, с. 627], как утверждает Арним в конце рассказа. Из процесса очищения выпадает лишь один представитель цыганского народа – Брака, которая остается в Европе и за определенное вознаграждение утешает душевными беседами Карла, тяжело переживающего бегство герцогини Египетской. По мнению Арнима, Карл не просто предал свою юношескую любовь, он, финансово поддерживаемый альрауном, предпринял в своей политике такие шаги, от которых пострадали потомки, из-за которых произошло разъединение Германии. Говоря о том, что Карлу «пришлось праведной жизнью, покаянием и молитвой отгонять от себя дурные вожделения» [3, с. 622], автор подразумевает, прежде всего, немецкую нацию и указывает единственно верный путь из создавшейся ситуации. Идеалом представляется Арниму восседающая на троне, открытая человечеству Изабелла, которую увидел Карл, «когда живым лег в гробницу» [3, с. 623]. Она простила и утешила его. Великая королева Изабелла выполнила предначертанную ей миссию до конца, суд древних египтян провозгласил ее праведницей, и она «блаженно скончалась во время сего суда над ней» [3, с. 626].

Цыганские образы занимают важное место в сложной многослойной структуре рассказа. Переплетая мифологию и реальные исторические факты гонений на цыган, Арним не только доказывает существование глубоко устоявшихся предрассудков, но старается ликвидировать их, перекинуть мост над глубокой пропастью многовековой отчужденности и предстает перед нами как прогрессивный мыслитель. Автор использует цыганскую тему как основу для построения концепции будущего развития Германии. Оставаясь по своим политическим убеждениям консерваторм, для которого главной силой современности является прошлое, Арним тем не менее внес весомый вклад, показав на примере цыганского народа, что сила немецкой нации, как и любой другой, заключается в ее единстве, сохранении национальной самобытности и культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Heine H. Die romantische Schule. Digitale Bibliothek. (vgl. Heine-WuB Bd. 5)
2. Schulze H. Kleine deutsche Geschichte. – München: Beck, 1996. – 276 с.
3. Arnim L.A. Die Erzählungen und Romane. Bd. 1. Hg. von H.-G. Werner. Leipzig: Insel-Verlag, 1981. – 1067 с.
4. Друц Е., Гесслер А. Цыгане. – М., 1990.
5. Wippermann W. Antiziganismus – Entstehung und Entwicklung der wichtigsten Vorurteile. http://www.lpb.bwue.de/publikat/sinti/sinti_8.htm.
6. Breger C. Ortlosigkeit des Fremden: «Zigeunerinnen» und «Zigeuner» in der deutschsprachigen Literatur um 1800. Literatur – Kultur – Geschlecht: Große Reihe; Bd. 10. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1998. – 423 с.
7. Гугнин А.А. Немецкая литература XIX века от романтизма до бидермайера. Статьи, переводы, комментарии, библиография. Вып. 1. Новополоцк – М., 2002. – 238 с.
8. Евреи. По страницам истории / Сост. С. Асиновский, Э. Иоффе. – Мн.: ООО «Завигар», 1997.
9. История еврейского народа / Под ред. Ш. Эттингера. Мосты культуры – Гешарим. Иерусалим – М., 2001.
10. Берковский Н. Комментарии // Немецкая романтическая повесть. Т. 2. – М.-Л., 1935. – 477 с.
11. Мифы народов мира. Т. 1. – М., 1987.